

дящихся въ какомъ-то единомъ центрѣ, соединенныхъ тамъ такъ, что если одинъ знаетъ, то тѣмъ самымъ знаютъ всѣ, если одинъ вознесенъ, то онъ же вознесъ и всѣхъ. Это напоминаетъ теорію космическаго духовнаго единства Достоевскаго, развиваемую Зосимой: «все течетъ, все соприкасается, въ одномъ концѣ міра тронешь, въ другомъ отдается».

Но это начало всеобщаго единенія—это не разумъ, это, по опредѣленію Толстого,—«Богъ или жизнь духа въ человѣкѣ», человѣкъ это знаетъ потому, что «Богъ въ немъ открылъ это ему».

Истина познается жизнью, жизнь открываетъ ее, такъ какъ она заложена въ глубинѣ жизни. Познаніе ея неизбежно для того, кто считается съ внутреннимъ теченіемъ жизни.

Надо довѣряться инстинкту внутренняго пути,—намъ неизвѣстны цѣли и достиженія, но намъ дано *направленіе*, по которому душа хочетъ идти. Толстой совѣтуетъ «отдаться потоку всѣми инстинктами и стремленіями и тогда изъ бессознательнаго подчиненія тому направленію, которое васъ ведетъ, придете къ истинѣ о подчиненіи жизни борьбы—жизни любви и единенія».

Или вѣрить, или не жить. Выводъ Толстого былъ:—вѣрую, ибо нѣтъ жизни безъ вѣры, отрекаюсь отъ механическаго подчи-